

- Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. Челябинск : Крокос. 2007. 260 с.
2. Невелев А. Б. Бытие человека: диалектика предметности и энергичности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 15. С. 30–34.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат. 1991. 527 с.

Логиновский С. С.

ДОРОФЕЙ ГАЗСКИЙ О СТРАХЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО УСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается представления христианского аскетического писателя VI в. аввы Дорофея Газского о видах страха и их значении для правильного устройства социального бытия. Показывается, что страх Божий и противоположная ему дерзость являются альтернативными способами организации взаимодействия между людьми, в конечном счете – двумя способами организации социального бытия.

Ключевые слова: философия религии, христианство, авва Дорофей Газский, страх, социальная мысль отцов Церкви.

Авва Дорофей Газский жил VI в. Он является известным аскетическим писателем [см. подробнее: 1], прежде всего, благодаря своему главному произведению, которое называется «Душеполезные поучения». Данная работа имеет большое значение для понимания специфики социальной мысли отцов Церкви. Примером этому могут служить рассуждения аввы о страхе.

Авва Дорофей считает, что существует два вида страха – несовершенный и совершенный.

Рассуждая об этом подробнее, авва указывает, что несовершенный страх свойственен «начинающим быть благочестивыми» [2, с. 68]. Он связан с тем, что человек боится наказаний за недолжные (греховные) действия. Таким образом, этот вид страха непосредственно связан с грехом, который является важнейшим (если не сказать – определяющим) началом бытия ветхого человека.

Второй страх, напротив, свойственен только тем, кто достиг совершенства в добродетельной жизни, то есть святым. Человек, имеющий такой «совершенный» («истинный») страх, боится уже не наказания за недолжные действия, а утраты общения с Богом, которое есть наивысшее благо с христианской точки зрения.

Несмотря на то, что совершенный страх во всем превосходит страх несовершенный (что отражается и в их названиях), последний для аввы Дорофея также представляет определенную, весьма немалую ценность. За неимением других «средств» (таких как совершенная любовь) первоначальный страх способствует обращению ветхого человека к праведной жизни, «охраняет душу от всякого зла» [2, с. 70], то есть от различного рода грехов, помогая бороться с ними.

Более того, авва Дорофей считает, что «невозможно достигнуть совершенного страха (иначе), как только первоначальным страхом» [2, с. 68]. Несовершенный страх – необходимый и важный начальный этап в процессе бесконечного приближения к Богу. Делание добра из-за страха наказания постепенно приучает человека к такому деланию, на опыте показывает преимущества добродетельной жизни, совершенства жизни в Боге, рождая истинную любовь и совершенный страх.

Приобретение совершенного страха – страха Божия – важнейшая задача подвижника и вообще – христианина. Для этого он должен постоянно помнить о неизбежности смерти и наказаний (мучений), постоянно анализировать все свои действия и мысли, не быть «дерзновенным в общении» [2, с. 73].

Еще один способ приобретения страха Божия – это жизнь в близости от человека, который такой страх имеет. Постоянное присутствие перед глазами реального примера человека, живущего со страхом Божиим, способствует его обретению теми, кто его окружает. Это замечание указывает на важность социального окружения для человека, пытающегося жить добродетельно.

Отсутствие страха Божия (и как следствие – пребывание во грехе) порождается причинами, противоположными тем, которые приводят эту добродетель в душу человека: отсутствием памяти о неизбежности смерти и наказаний, отсутствием критического анализа всех своих действий и мыслей и общением исключительно с теми, в ком нет страха Божия. Самый же опасный для этой добродетели грех – это дерзость в общении. Эта страсть совершенно несовместима со страхом Божиим, изгоняет его и тем самым открывает дорогу всем остальным страстям, ведь не боящийся Бога человек не имеет оснований не грешить. По этой причине авва считает возможным назвать дерзость матерью всех страстей, хотя в других контекстах этот статус могут иметь и другие греховные страсти.

Поскольку дерзость есть греховная страсть, противоположная страху Божию, авва Дорофей уделяет ее рассмотрению значительное внимание при анализе феномена страха.

Авва указывает, что проявления дерзости многообразно. Она может проявляться как в неуместном смехе и празднословии, так и в молчании и множестве других действий. Но важно, что все проявления дерзости имеют социальное измерение, направлены на других людей.» Именно «оттого, что мы дерзки друг с другом и не стыдимся один другого», – говорит об это авва Дорофей, – случается, что мы и злословим, и оскорбляем друг друга» [2, с. 75].

Дерзость, как и страх Божий – это не просто причины социальных «нестроений» (конфликтов). Дерзость и страх Божий – это два способа организации социального бытия, которые можно назвать греховным и добродетельным. Конечно, помимо дерзости и страха Божия существует другие грехи и добродетели, в совокупности и образующие два противоположных способа организации социального бытия. По этой причине они и называются греховным и добродетельным. Но и тот и другой способ организации социального бытия может быть описан (пусть и не во всей возможной полноте) на примере той или иной греховной страсти и добродетели, лучше всего – противоположных друг другу. Вот и авва Дорофей, рассматривая конкретную ситуацию, на примере дерзости и страха Божия описывает действия людей, из которых складываются и в которых проявляются, существуют два различных способа организации социального бытия.

В качестве конкретной ситуации авва берет совершение некоторым человеком, находящимся в непосредственной близости к другому человеку чего-либо «неполезного», греховного. В этой ситуации возможны два типа ответных действий (имеющие бесконечное множество вариаций).

Первый тип – греховный, порождающий греховную социальную реальность. Он предполагает, что, не обращаясь непосредственно к согрешающему человеку, не стремясь исправить его, другой (подвергшийся воздействию) человек осуждает согрешающего как в своем сердце своем, так и словесно. Несмотря на кажущуюся естественность такой реакции, авва Дорофей считает, что даже совершение человеком греха не дает основания для такого заочного осуждения этого человека. Это не полезно ни согрешившему, ни тому, кто его осуждает.

Еще более опасно, когда человек не только сам осуждает согрешившего, но и привлекает к этому других людей, сообщая им свою греховную страсть. По мнению аввы это особенно опасно, поскольку «нет ничего тяжелее, ничего пагубнее, как вредить не только себе, но и ближнему» [2, с. 75].

Итог подобных действий – отсутствие любви между людьми и порождаемого ею единства общества. Вместо них основой социального бытия становятся греховные страсти, которые продуцируют бесконечные противоречия и конфликты.

Противоположная реакция на согрешение брата предполагает непосредственное обращение к нему с целью обличения, обличения в любви, для его исправления. Это значить, что согрешающего не следует ни укорять, ни злословить (в одиночку или в купе с другими), но сказать ему «с чувством сострадания и страхом Божиим..., с любовью и смирением: прости, брат мой, если не ошибаюсь, мы нехорошо это делаем» [2, с. 75]. Показательно, что, хотя согрешает один брат, обличающий не отделяет себя от него, поскольку они оба (и вообще все люди) есть члены единого тела Христова, и поэтому забота (по мере сил) о благе ближнего – задача каждого человека. По большому счету, эта забота есть забота не только о ближнем, но и о самом себе. В конечном итоге, благоденствие отдельного человека зависит от блага целого, частью которого он является. В самом деле, трудно благоденствовать в разваливающемся, исполненном конфликтов обществе, какими бы ресурсами отдельный человек не обладал. По этой причине забота о себе предполагает заботу о целом (обществе), а последнее состоит из людей, на которых, поэтому, также должно быть обращено заботливое внимание. Из таких, описываемых аввой Дорофеем «малых» действий в отношении ближних складывается социальная реальность, в данном случае – не греховная, благая.

Обобщая, авва говорит, что данный (благой) тип социальных действий предполагает, что человек должен «иметь благоговение, бояться вредить себе и другим, почитать друг друга» [2, с. 75]. Указывая на важность в этом деле страха Божьего, авва чуть ниже добавляет (обращаясь к своим слушателям): «приобретите страх Божий и с благоговением встречайте друг друга, каждый преклоняя главу свою пред братом своим... Каждый смиряйся перед Богом и перед братом своим и отсекай свою волю» [2, с. 77]. В результате социальные связи между людьми строятся на основе любви, сами люди пребывают в единстве, общество чуждо любого рода нестроений, имея в целом такую же структуру, как и прежде, оно становится гармоничным, чуждым греха и близким к Богу.

Библиографический список:

1. Бернацкий М. М., Дионисий (Шленов). Дорофей Газский // Православная энциклопедия. Том XVI. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 2007. С. 32–43.
2. Дорофей, авва. Душеполезные поучения. М. : Издательство ТСЛ. 2007. 304 с.